

Тарасов А. ДГД // Советская Россия. №5. 16. 01. 03.
Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г.Н. Скляревой. - М., 2001 [ТССРЯ 2001].
Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Собр.соч. в 22-х томах. Т. VII. М., 1981.
© Васильев А.Д., 2006

Дж. А. Данн
Эдинбург, Великобритания
Перевод: Сорокина М.В.

ЧТО ТАКОЕ «ПОЛИТТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ФЕНЯ» И ОТКУДА ОНА ВЗЯЛАСЬ?

Abstract

The aim of the article is to answer the questions 1) is there such a phenomenon 'polittekhnologicheskaia fenja'? 2) if yes, what does it consist of? 3) to what extent does 'polittekhnologicheskaia fenja' resemble other professional jargons in contemporary Russia.

***

Писатель Виктор Пелевин 3 ноября 2005 г. в интервью газете «Известия» между прочим заметил: (1) Говорить на политтехнологической фене стало в наше время так же модно, как в 1990-ых гг. было модно намекать на знакомство с «понятиями».

Если оставить без внимания достоверность данного заявления, замечание В. Пелевина вызывает ряд вопросов, а именно: существует ли такое явление как «политтехнологическая феня» и если да, то из чего она состоит и до какой степени напоминает другие виды профессионального жаргона, существующие в современной России?

В своем интервью В. Пелевин использует термин, включающий прилагательное, образованное от существительного *политтехнолог*. На английский язык это существительное обычно переводится как «spin doctor» ("спин – доктор", политтехнолог, эксперт по связям с общественностью (специалист по контактам с прессой, препарирующий информацию в духе, выгодном предоставляемой им политической структуре, и обеспечивающий ее подачу в средствах массовой информации под нужным углом зрения) – прим. пер.). Именно этот вариант используется в переводе данной статьи на английский язык. Однако данный перевод не совсем точен. В политических системах Великобритании и США «спин-доктор» занимается в основном вопросами презентации, в то время как *политтехнолог*, имеющий столь же малое отношение к философии или идеологии, как и «спин-доктор», занят главным образом процессом. Выборы являются единственной сферой, в которой их деятельность пересекается, поскольку оба разрабатывают военные хитрости и тактические ходы, необходимые, чтобы «правильный» кандидат был избран или (и это зачастую не менее важно), чтобы «неправильный» кандидат проиграл выборы. Тем не менее, объемы этих двух понятий не совпадают, и чтобы сохранить ясную связь с русскоязычным термином, в англоязыч-

ном оригинале данной статьи в дальнейшем вместо термина «spin doctor» используется переведенный с русского языка термин «political technologist» (*политический технолог*).

Хотя организация «*Центр политических технологий*» существует под этим названием по меньшей мере с августа 1993 г. (<http://www.cpt.ru/bunin.php>), термин *политтехнолог* начал активно использоваться в конце 1990-х гг., в частности, во время избирательных кампаний 1999 и 2000 гг.. Примечательно, что данное слово отсутствует в «Толковом словаре русского языка конца XX века» под ред. Г. Н. Складчиковской (1998) и «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (2004), но включено в «Русский орфографический словарь» под ред. В. В. Лопатина (2005). Наиболее заметной личностью, с которой ассоциируется данный термин, является Г. Павловский, основатель «*Фонда эффективной политики*» [Засурский 2001: 171-73].

Материалом для данного исследования послужили тексты из различных источников, включая статьи политической направленности из газет и интернет-источников, таких как www.ej.ru, а так же интернет-сайты, непосредственно связанные с теми, кто позиционирует себя или может быть назван *политтехнологом*, включая сайты www.fep.ru and www.kreml.org. Особенно полезным для получения материалов для данного исследования явился интернет-сайт «*Избирательной ассоциации политтехнологов*» (www.izbass.ru), который содержит «*Словарь политтехнолога*», предлагающий частичный ответ на первый из заданных в начале данной статьи вопросов.

Рассмотрение данных материалов в самом деле позволяет сделать вывод о том, что существует ряд слов и выражений, обычно используемых *политтехнологами* и лицами, комментирующими ход политического процесса. Для рассмотрения таких вопросов, как является ли этот язык разновидностью профессионального сленга, какова его лексика, и насколько он отличается от других профессиональных жаргонов, полезно разделить данные слова и фразы на несколько групп в зависимости от их происхождения.

Значительное влияние английского языка на русский в период с момента распада Советского Союза широко исследовалось и анализировалось, напр., в работах таких авторов, как Дуличенко (1994: 315-35), Костомаров (1994: 81-108, 1999: 110-44), Брейтер (1997), Савельева (1997: 36-55), Рязанова-Кларк и Вейд (1999: 136-65), Данн (2000: 87-101). Таким образом, остается лишь отметить, что в любом варианте русского языка, который возник после 1991 г., закономерно ожидать присутствия значительного количества англицизмов. На самом деле, в языке *политтехнологов* содержится огромное количество заимствований, но не все из них являются англицизмами.

Одну группу составляют слова, которые можно отнести к политическим интернационализмам, включающие общепринятые термины для наименования определенных политических тенденций (напр., *либерал, демократ, националист, экстремист*), которые в России, как и в любой другой стране, могут приобретать культурноспецифические значения. Напр., слово *демократ*, которое, хотя и не связано, как в США, с определенной политической партией, тем не менее, обычно относится к определенной части российского политического спектра, приобретая, таким образом, нетипичную возможность быть использованным в пейоративном значении. Слово *либерал* может использоваться в некоторых кругах для характеристики определенной политической тенденции в российском правительстве или президентской администрации. Специальные термины, относящиеся к электоральному процессу, также являются интернационализмами: *мажоритарный* (прил.), *пропорциональный, электорат* (форма данного слова указывает на заимствование, по всей вероятности, из немецкого языка, хотя отдельные варианты употребления данного термина (напр.: «сегмент электората вероятнее всего поддержит определенного кандидата») заимствованы, скорее всего, из английского языка).

Из всех терминов, однозначно заимствованных из английского языка, лишь около половины относятся исключительно к сфере политики. К таким терминам относятся: *имидж, имиджмейкер, лобби, лоббировать, спикер, спичрайтер, экзит пол*. Оставшаяся часть терминов-англицизмов была заимствована из таких сфер, как связи с общественностью и маркетинг: *бренд* или *брэнд, пиар, позиционирование, презентация, проект, ребрендинг / ребрэндинг, фокус-группа*.

Присутствие значительного количества терминов, связанных с такими сферами, как связи с общественностью и маркетинг, не удивительно, поскольку ясно прослеживается связь между «черной магией» «продажи» политического кандидата и работой по продаже более традиционных товаров. Не удивительно и то, что большое количество англицизмов, присутствующих в языке политтехнологов, относится именно к этой категории, поскольку бизнес во всех его аспектах является той сферой деятельности, в которой влияние английского языка по вполне понятным причинам особенно сильно [Рязанова-Кларк 1999: 141-43].

В дополнение ко всему вышесказанному нужно отметить еще один англицизм, не относящийся ни к сфере политики, ни к сфере экономики. Данным заимствованием из английского языка является слово *клан*, используемое в значении «тесно связанная группа индивидуумов, преследующих общую, зачастую бесчестную цель». По всей видимости, в данном значении это слово заимствовано не из английского языка непосредственно, но, более вероятно, является внутренним заимствованием из языка описания преступной деятельности (и в особенности организованной преступности), в котором оно прочно укоренилось.

В вышеприведенных случаях связь между языком или языками, из которых производится заимствование, и русским языком в основном очевидна. Трудности возникают, когда на основе заимствованной лексики в русском языке происходят словообразовательные процессы, в результате которых появляются слова, которые хотя и имеют иностранную основу, но уже не могут рассматриваться как заимствования. Отличным примером подобного заимствования является слово *пиар*, от которого образованы такие существительные как *пиармен*, *пиарист*, *пиарщик*, означающие «человек, работающий в сфере связей с общественностью, пиара», а также глагол *пиарить*. В отличие от оригинального заимствования, которое само по себе почти полностью или даже абсолютно совпадает по значению со словом PR (пиар) в английском языке, ставшим источником заимствования, образованные по словообразовательным моделям русского языка слова не имеют точных эквивалентов в английском языке. Особенно трудно перевести глагол *пиарить*; во многих случаях он, вероятно, может быть переведен как английский глагол «to spin» (подавать информацию, разрабатывать, придумать, «раскручивать» – прим. пер.). Приставки еще больше усложняют ситуацию: *допиарить*, *запиарить*, *обпиарить*, *отпиарить*, *пропиарить*, *распиарить*. Несмотря на то, что приставки лишь немного меняют оттенок значения, разрыв между значением слова в языке-источнике и языке-реципиенте заимствования еще больше увеличивается. Еще одну разновидность языкового творчества можно наблюдать на материале регулярных словосочетаний, образованных на основе заимствований. Одна из наиболее распространенных форм использования слова *пиар* – это использование его в словосочетании *черный пиар*, которое не имеет абсолютного эквивалента в английском языке, и может быть переведено как *dirty tricks* (низкие шутки, подлые фокусы, грязные делишки – прим. пер.). К той же категории относятся словосочетания со словом *электорат*, которые либо не имеют эквивалента в английском языке, либо в английском языке для обозначения того же понятия используется другое словосочетание: *базовый электорат* (в англ. core electorate, букв. основной, центральный электорат – прим. пер.), *подвижный электорат* (в англ. floating voters, букв. колеблющиеся избиратели – прим. пер.), *пакетированный электорат* (не имеет эквивалента в англ. яз., переводится описательно как избиратели, которые легко принуждаются обстоятельствами к голосованию за определенного кандидата – прим. пер.) (примеры с сайта <http://izbass.ru/ae.htm>).

Тем не менее, в языке политтехнологов содержится лишь небольшое количество терминов, появление которых связано с прямым или косвенным влиянием иностранных языков. Более важное значение имеют слова и выражения, появившиеся в русском языке без какой-либо посторонней помощи. Значительная часть таких терминов отно-

сится к группе, состоящей из слов иностранного происхождения (в основном интернационализмов), которые были полностью ассимилированы русским языком и связаны нормами сочетаемости друг с другом или исконно русскими словами, в результате чего образованы термины, относящиеся непосредственно к российскому политическому контексту. Несмотря на входящие в состав данных терминов (словосочетаний и универбатов) интернационализмы, их типичной чертой является отсутствие близкого смыслового эквивалента в языках Западной Европы, и трудность или невозможность точного и идиоматического перевода.

Интересным примером подобных терминов является само слово *политтехнолог*, общепринятый перевод которого на английский язык (*spin doctor*, спин-доктор) не является, как было продемонстрировано выше, абсолютно точным, в то время как буквальный перевод (*political technologist*, политический технолог) не имеет смысла без дальнейших пояснений. Сходная проблема наблюдается в случае с термином *административные ресурсы*, общепринятый перевод которого (*administrative resources*) не совсем приемлем для описания по-английски таких ресурсов как, напр., деньги, люди, зависимые средства массовой информации, находящиеся в распоряжении высокопоставленного лица и используемые для влияния на итоги выборов. В некоторых случаях, особенно если целью официального лица является переизбрание на уже занимаемый пост, данное словосочетание может быть переведено на английский язык как *the advantages of incumbency* (букв. преимущества, связанные с пребыванием в определенной должности – прим. пер.).

К другим примерам подобных выражений относятся словосочетания *вертикаль власти*, *управляемая демократия*, *суверенная демократия*, *цветные революции*, *одномандатник*, *компромат*, *Гарант Конституции*, *спор или конфликт хозяйствующих субъектов*, и загадочное выражение *структурирование самоорганизующейся силы* (<http://2006.novayagazeta.ru /nomer/2006/70n/n70n-s11.shtml>). Некоторые из этих терминов будут подробнее рассмотрены ниже.

Относительно небольшая группа включает русскоязычные термины, образованные исключительно на основе коренных русскоязычных форм. Некоторые из этих терминов относятся к политическому процессу в целом, напр., прочно укоренившееся в языке словосочетание *ближнее зарубежье* (то есть страны бывшего Советского Союза), *силовики* (лицо, пришедшее к власти через ту или иную структуру вооруженных сил или службы безопасности), *слив* (организованная утечка информации). Другие специальные термины используются для описания определенных приемов, применяемых политтехнологами во время из-

бирательных кампаний: *кандидат-подстава* (кандидат, отвлекающий внимание избирателей), *зачистка* (нанесение повреждений или уничтожение выборных материалов соперника), *лиманка* (привлечение учителей и других государственных служащих, чтобы заставить избирателей проголосовать за «одобренного» кандидата). Вероятно, последний термин образован от фамилии Лиманский, которую носил человек, занимавший одно время должность мэра Самары, которому ставится в заслугу (если так можно выразиться) изобретение данного приема.

Одну подгруппу таких терминов составляют комические термины (основанные, главным образом, на каламбуре). История появления таких терминов уходит корнями в начало 1990-х гг., когда возникли такие слова как *дерьмократ*, *прихватизация*, *выброссы* (сторонники партии Выбор России). К более поздним примерам можно отнести слова *Едро* (сокращение для обозначения партии Единая Россия) и *либераст* (либерал + педераст). Примером несколько другой модели является слово *мордодел*, образованное от дисфемизма *морда* и корня глагола *делать*, в результате сложения которых появился комический «доморощенный» эквивалент заимствования *имиджмейкер*.

Последняя группа терминов состоит из заимствований из других разновидностей сленга. Первоначальным значением слова *феня* в том смысле, в котором его использует Пелевин, является: воровской и тюремный жаргон [БСЖ: 624], и именно эта разновидность сленга является источником целого ряда терминов, используемых политтехнологами. Напр.: *беспредел* (экстремальная, вышедшая из-под контроля ситуация), *крышевание* (защита), *мочить* (атаковать, нападать), *наезд* (атака, нападение), *понятия* (подразумеваемые соглашения, действующие в преступной среде), *разборка* (сведение счетов). Два нижеприведенных термина заимствованы из различных видов жаргона: глагол *раскрутить* (обмануть, продвигать посредством жульничества, крикливо рекламировать, необоснованно возвысить), имеющий корни в криминальном сленге, заимствован, тем не менее, из языка музыкантов (как и его англоязычный эквивалент) (БСЖ: 502), а фраза *пилл хавает* (люди съедят что угодно) заимствована из молодежного жаргона (<http://izbass.ru/p.htm>).

Интересно, что практически все термины, заимствованные из криминального жаргона, подвергаются процессу, который можно описать как процесс расширения и смягчения их значений [Данн 1999: 20]. Это означает, что они используются с более широким спектром значений, чем в сленге-источнике заимствования, и для них не всегда характерны первоначально присутствовавшие коннотации физического насилия. Это означает, что даже в весьма неуютном мире российской политики слова *наезд* и *мочить*, скорее всего, относятся к силе слова, а *разбор-*

ка завершится без автоматных очередей. Даже процесс *крышевания* может означать что-то более цивилизованное, чем получение денег в обмен на непричинение ущерба и несовершение насильственных действий.

Советизмы составляют пласт политической лексики, который в основном отсутствует в языке политтехнологов. В целом, советский политический язык очень быстро исчез в России после 1991 г. [Данн 1999а: 4-7] и больше не возродился, несмотря на изменение отношения к советскому прошлому. Деятельность участвующих в любом событии политтехнологов, связанная с попытками повлиять на итоги якобы состязательных выборов и манипулятивно сформировать мнение граждан, имеющих доступ к конкурирующим источникам информации, вряд ли имеет параллели в советской политической системе, поэтому закономерно предположить, что данная сфера не может являться источником заимствования соответствующей терминологии.

Будучи языком преступников, в своем первоначальном виде *феня* была похожа на любой другой профессиональный жаргон. Такие разновидности языка служат в основном двум целям: (1) формирование или акцентирование профессиональной солидарности (жаргон является одним из индикаторов того, что его носитель принадлежит к определенной группе, будь то группа воров или политтехнологов); (2) исключение из сферы общения, поскольку владение жаргоном является привилегией членов соответствующей группы, те, кто не являются ее членами, лишены возможности понимать жаргон. В случае с криминальным сленгом данная цель имеет очевидное практическое значение, поскольку усложняет работу сотрудников правоохранительных органов, но даже в тех видах деятельности, которые являются в основном законными, использование профессионального жаргона позволяет воздвигнуть границу между специалистами в данной области и всеми прочими лицами.

Трудно оценить вопрос профессиональной солидарности: ремесло политтехнолога возникло недавно и занимаются им немногие, хотя существование сообщества, упомянутого в начале данной статьи, предполагает, что представление о профессиональной солидарности политтехнологов актуально по крайней мере для некоторых кругов. Еще более сложным является аспект ограничения сферы общения. Можно предположить, что данный вопрос будет неактуален для профессии, имеющей одной из своих задач общение. Тем не менее, отдельные факты подтверждают точку зрения, что язык политтехнологов может быть весьма неясен в некоторых его проявлениях. Следующее замечание было приведено в недавнем интервью с Глебом Павловским: И здесь: она очень простая, очень понятная, то есть не такие, как обычно,

статьи у Глеба Олеговича, там без пол-литра не разберешь [<http://www.kreml.org/other/126216661>].

Рассмотрев термины, составляющие жаргон политтехнологов, нетрудно представить, каким образом может быть достигнут эффект, описанный Ф. Леонтьевым. Большинство заимствованной терминологии, относящейся непосредственно к политическому процессу или к жаргону сфер пиара и маркетинга, по своей сути не может являться частью обычного языка. Отстраняющий эффект, достигаемый последней из упомянутых групп терминов, является особенно значительным, поскольку в этом случае необычное происхождение терминов сочетается с не менее необычной сущностью предмета, усиливая эффект отстраненности.

Тем не менее, в отдельных случаях собственно русскоязычные термины служат еще более эффективным средством внесения неясности. Это особенно очевидно в случае с терминами, используемыми для описания приемов проведения избирательных кампаний. Несмотря на то, что слово *зачистка* (хотя и с другим значением) присутствует в сленге вооруженных сил и правоохранительных органов, большая часть этих терминов возникла специально для описания приемов проведения выборов. В некоторых случаях значение этих терминов является частично понятным (*подстава*), в других – абсолютно неясным (*лиманка*), причем и в том, и в другом случае использование данных терминов ограничено очень узким контекстом, и при отсутствии соответствующего пояснения у этих терминов невелика вероятность быть понятыми лицами, не посвященными в таинства, которые эти терминами описываются.

В случае с терминами, являющимися интернационализмами или включающими интернационализмы в свой состав, эффект неясности достигается путем использования знакомых слов в необычных сочетаниях. В отдельных случаях может возникнуть подозрение, что туманность смысла не совсем случайна, что, напр., демонстрируется дискуссией о том, что именно означают термины *управляемая демократия* и *суверенная демократия*. В самом деле, эти термины соответствуют требованиям Шалтая-Болтая в книге «*Алиса в Зазеркалье*» Льюиса Кэрролла, поскольку хотя оба они относятся к описанию российской политической системы, их точное значение может определить лишь тот, кто эти термины употребляет.

Термин *суверенная демократия* является очевидным эвфемизмом, так же, как и термин *вертикаль власти*: в обоих случаях слова с позитивной или по меньшей мере нейтральной коннотацией сочетаются таким образом, что позволяют представить в позитивном свете политический курс или ситуацию, которая в определенных кругах может

быть воспринята неоднозначно или негативно. Еще более интересным является термин *конфликт хозяйствующих субъектов*, который, в сущности является иносказательным выражением для описания спора субъектов коммерческой деятельности. Данный термин может использоваться как эвфемизм, однако первоначально он появился скорее как дисфемизм для описания споров между информационными компаниями и миноритарными акционерами, желающими заполучить над ними контроль с целью их закрытия. Таким образом, первоначально данный термин использовался для деполитизации, а значит, и умаления значимости данного вида споров. Еще одной отличительной чертой данных терминов является тот факт, что использование интернационализмов придает им претенциозный или псевдо-академический характер, что лишь способствует усилению смысловой неясности. В связи с этим возможно провести параллель между сленгом политических технологов и «еврожаргоном», порожденным административными структурами Евросоюза.

Группа терминов, которые, как ни странно, не добавляют в язык политтехнологов неясности, состоит из терминов, заимствованных из криминального сленга. Этот бывший когда-то секретным язык, который, во всяком случае, был запрещен в качестве языка публичного общения в советские времена, сейчас используется в разнообразных социальных контекстах. По этой причине, а также потому, что термины, используемые политтехнологами, принадлежат к категории криминального жаргона, который перестал использоваться исключительно в контекстах, связанных с преступной деятельностью, понимание данных терминов не должно представлять трудность. Вместе с тем, вполне возможно, что присутствие данных терминов облегчило для тех, кто следует языковой моде, переход от использования криминального сленга к сленгу политтехнологов, о моде на который говорил В. Пелевин.

Что касается происхождения, то сленг политтехнологов весьма эклектичен. Он сочетает заимствования и другие иноязычные влияния с собственно русскоязычными терминами, академические (или псевдо-академические) термины с заимствованиями из разговорного языка, специально созданные термины с терминами, заимствованными из других видов сленга. Хотя не все формы сленга однородны (молодежный жаргон, напр., сочетает заимствования из других видов сленга с лексическим пластом англицизмов), степень эклектизма, характерная для сленга политтехнологов, весьма необычно высока. В этом отношении сленг политтехнологов представляет собой неоспоримое подтверждение точки зрения, высказанной И. Югановым и Ф. Югановой [1997: 8] относительно того, что [русскоязычный] сленг не является замкнутой системой, и что взаимопроникновение различных видов сленга связано

со сходством образа жизни и способов мышления.

Особенно удивительным фактом является относительно незначительная роль англицизмов, что отличает *феню политтехнологов* от других профессиональных жаргонов (бизнес, СМИ), сложившихся в постсоветскую эпоху. Это может служить отражением уменьшения иностранного влияния на российский политический процесс за последние десять лет, хотя может также являться индикатором специфики сферы работы политтехнологов и проблематичности соотнесения их деятельности со знакомыми западными моделями.

Именно этот аспект оказывает значительное влияние на формирование у мирового сообщества представлений о политических процессах в постсоветской России. Советский политический язык был известен своей непохожестью на любой другой, но однородность политической системы и отсутствие точек соприкосновения между советской политической системой и политическими системами другого образца, означали, что более или менее буквальный перевод терминологии являлся вполне приемлемым решением. Падение этой изолированной политической системы в постсоветское время и сопровождающее его исчезновение ясного лингвистического кода, характерного для советской системы, дают привлекательную возможность описывать новую систему, пришедшую на место старой, в знакомых терминах. Несмотря на это, сам термин *политтехнолог* указывает на несостоятельность подобного подхода. Деятельность индивидуумов, занимающихся данным родом деятельности, породила обслуживающий политический процесс язык, который является не менее своеобразным, чем советский политический язык, «непохожесть» которого, однако, замаскирована поверхностным сходством систем (состязательные выборы, теоретически независимые и выражающие различные точки зрения СМИ) и значительным присутствием заимствований и интернационализмов. При переводе данный язык подвергается риску стать абсолютно непонятным или сформировать у реципиента ложные представления, что диктует необходимость искать другие решения, скорее всего, требующие активного использования приема перифразы и дополнительных пояснений. Какое бы мнение у кого ни сложилось о *политтехнологической фене*, которую В. Пелевин, справедливо или нет, считает переходящей модой, она является лингвистической реальностью, явлением, имеющим необыкновенно сложные формы и истоки, и представляющим собой непростую задачу для всякого, кто захочет этим языком овладеть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брейтер М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы. М., 1997.
Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона, СПб., 2001.
Кузнецов С.А. (ред.) Большой толковый словарь русского языка, СПб., 2004.

Дуличенко А.Д. Русский язык конца XX столетия, Slavistische Beiträge, 317, Sagner, Munich, 1994.

Dunn J.A. 'How to speak new Russian', Rusistika, 20, September 1999, pp. 19-24.

Dunn J.A. 'The Transformation of Russian from a Language of the Soviet Type to a Language of the Western Type', in J.A. Dunn (ed.), Language and Society in post-Communist Europe, Selected papers from the Fifth World Congress of Central and East European Studies, Warsaw, 1995, Macmillan, Basingstoke, 1999, pp. 3-22.

John A. Dunn, 'The Role of English in Modern Russian', in Lew N. Zybatow (ed.), Sprachwandel in der Slavia, I, Peter Lang, Frankfurt-am-Main etc., 2000, pp. 87-101.

Юганов И., Юганова Ф. Словарь русского сленга, Метатекст, М., 1997.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи, изд. 3-е, Златоуст, СПб, 1999.

Лопатин В.В. (ред.), Русский орфографический словарь, изд. 2-е, Институт русского языка имени В. В. Виноградова, РАН, М., 2005.

Larissa Ryazanova-Clarke and Wade (1999) Terence Wade, The Russian Language Today, Routledge, London – New York, 1999.

Савельева Л.В. Языковая экология, КГПУ, Петрозаводск, 1997.

Склярская Г.Н. (ред.) Толковый словарь русского языка конца XX в., Фолио-Пресс, СПб., 1998.

Засурский И. Реконструкция России: масс-медиа и политика в 90-е, М., 2001.

© Данн Дж. А., 2006

© Сорокина М.В. (перевод), 2006

Клочко Н. Н.

Женева, Швейцария

ЭТНОЦЕНТРИЧЕСКИЕ МИФОЛОГЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ СЛАВЯНСКОМ КОЛЛЕКТИВНОМ СОЗНАНИИ

We are such stuff as dreams are made on...

Shakespeare

Мы сделаны из той же материи, что и наши сны...

Шекспир

Abstract

Ethnocentric mythologemes in the contemporary Slavonic collective consciousness are of not only constructive but also of instrumental significance. Nowadays Slavic states seek cultural and political recognition in the world. The Illocutionary potential of the ethnocentric myths is directed to the increase of political status of those states and substantiation of the right to get an access to financial and economic resources of Europe. However the state, in which out-of-date ethnocentric myths support the idea of might, becomes extremely vulnerable.

***

Зависимость от своей собственной истории для каждого народа по своему драматична. Славянская история в каждый из периодов «тектонических сдвигов» (от принятия христианства до событий 1989-1991 гг.) формировала свои характеристики региона. При этом отнюдь не все исторические моменты оказались в равной степени запечатлены в славянском коллективном сознании, поскольку «каждая историко-культурная эпоха по-разному свидетельствует современную ей историю, различными путями возвращается к прошлому, по-разному его